

— Однако, по вывѣскамъ-то и приходится судить съ перваго взгляда. Видишь вывѣску: «питейный домъ», — ну, ужъ и знаешь, что въ этомъ заведеніи не книги продають, — замѣтилъ Корневъ.

Исправница обидѣлась и углубилась въ перелистываніе «Нивы».

— Конечно, нѣтъ правила безъ исключеній, — попробовалъ Корневъ смягчить сорвавшееся съ языка заявленіе.

— Но исключенія только подтверждають правило и бываютъ очень рѣдки, — подхватила съ торжествомъ Марья Васильевна.

— А Миша и есть именно исключеніе, — проговорила исправница обиженно.

— Не смѣю спорить, — отвѣтилъ Корневъ сдержанно.

Марья Васильевна улыбнулась ему и лукаво посмотрѣла на сестру.

«Славная дѣвушка, — подумалъ Корневъ: — славная».

— «По-правдѣ сказать, только Марья Васильевна да Дыхлаевъ и нравятся мнѣ здѣсь», думалъ однажды Корневъ.

Онъ прилежъ почитать въ ожиданіи чая и не замѣтилъ, какъ его мысли оторвались отъ книги. Онъ часто ходилъ къ исправнику, настолько часто, насколько позволяли приличія, и Марья Васильевна правилаась ему все больше и больше. На его счастье исправникъ все еще ѣздилъ по уѣзду.

— «Какъ я съ нимъ встрѣчусь, когда онъ пріѣдетъ! Богъ его знаетъ, что онъ за человѣкъ».

Изъ открытаго окна лились волны свѣжаго осеннаго воздуха и наполняли небольшую комнату прохладой и запахомъ цвѣтовъ.

— А Сашенька опять цвѣтовъ принесла, — улыбнулся Корневъ, поглядывая на окно, гдѣ въ двухъ стаканахъ стояли букеты.

«Надо будетъ позаняться съ нею, какъ выберется свободное время», подумалъ онъ.

— Евгенийъ Александрычъ, можно войти? — послышался за дверью мелодичный грудной голосъ.

Корневъ поспѣшно всталъ съ кровати.

— Войдите, Сашенька, можно.

Высокая, стройная дѣвушка съ свѣжимъ личикомъ, бойкими карими глазами и красными пухлыми губками осторожно вошла въ комнату.

— Васъ исправникъ спрашиваетъ, — сказала она вполголоса.

Корневъ вспыхнулъ до корней волосъ и поспѣшно запах-